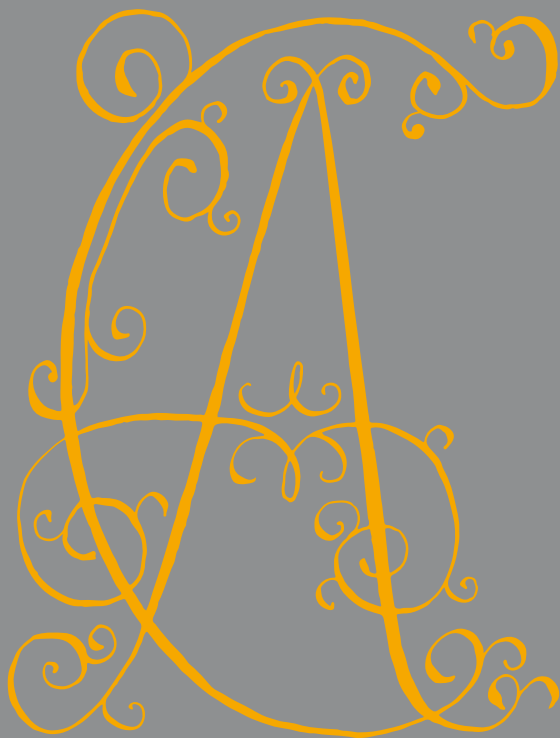

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

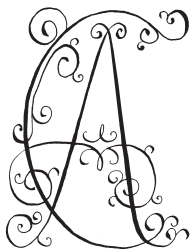
3-4·2025

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

3-4· 2025

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2025

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2025. – Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2025. – 432 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2025.3-4

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2025 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории науки, лингвистики, этнолингвистики, литературоведения и истории культуры. Хронологический охват материалов – от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Издательство «Индрик», 2025

Slavic Almanac 2025. Issues 3–4 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief. – Moscow: Indrik, 2025. – 432 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731.2025.3-4

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2025) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, history of science, linguistics, ethnolinguistics, literary studies and history of culture. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Phone: +7 (495) 938-17-80

Website: slavicalmanac.ru

E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year

Circulation: 500 copies

Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2025

© Authors, 2025

© Publishing house “Indrik”, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Бенич М., Институт хорватского языка, Загреб, Хорватия

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Усачёва А. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Benić L., Institute of Croatian Language, Zagreb, Croatia

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kochegarov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Usacheva A. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Прудовский П. И. (Москва).</i> Взгляд литовской шляхты на Варшавскую битву 1656 г.	12
<i>Баченина В. В. (Екатеринбург).</i> Карл Люэгер глазами австрийских социал-демократов: идеологическое противостояние в Вене эпохи <i>fin-de-siècle</i>	32
<i>Станков Н. Н. (Москва).</i> «Дело» патриарха Тихона и чехословацко-советские отношения в апреле – июне 1923 г. (по документам советского полпредства в Праге)	53
<i>Слоистов С. М. (Москва).</i> Чехословакия и словацкие венгры-кальвинисты: от противоречий межвоенного периода к кризисным явлениям 1945–1948 гг.	77

Лингвистика и этнолингвистика

<i>Ефимова В. С. (Москва).</i> К изучению передачи греческой научной лексики в старославянских текстах: комплексные лексические единицы	106
<i>Изотов А. И., Морозов Д. А. (Москва).</i> Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа	130
<i>Казаков И. И., Чиварзина А. И. (Москва).</i> Современное состояние мегленорумынского языка в условиях славяно-неславянских контактов (Северная Македония)	149
<i>Климова К. А. (Москва).</i> Традиция «хатир» в похоронно-поминальной обрядности понтийских греков России: семантика, ритуальные функции и этнокультурные параллели	168

Литературоведение

<i>Грасько А. В. (Москва).</i> Изображение коммунистической стройки в романе И. Вайля «Деревянная ложка»	185
--	-----

<i>Лунькова Н. А. (Москва).</i> «Великомученики невыносимого бытия»: метаморфозы тела как способ пространственной репрезентации постмодерной личности (на примере «Ломских рассказов» Э. Андреева)	204
<i>Шатько Е. В. (Москва).</i> Изображение военных действий в современной боснийской литературе	223
<i>Усачёва А. В. (Москва).</i> Внешнее vs внутреннее: пространственная оппозиция в «Балканской трилогии» М. Вишнека	233

История культуры

<i>Лескинен М. В. (Москва).</i> «Русский Боян» или «ловкий эксплуататор московского патриотизма»: Д. А. Агренев-Славянский и его «Славянская капелла» в оценках современников. Часть 2	245
<i>Йожа Д. З. (Будапешт).</i> Россия рубежа XIX–XX вв. в травелогах венгерского писателя Ференца Херцега	269
<i>Лагно А. Р. (Москва).</i> Смех и стыд в польском комедийном сериале «Ухо председателя» (Ucho Prezesa): кого высмеивают и кто смеется?	296

История науки

<i>Марней Л. П., Носов Б. В. (Москва).</i> К истории отечественного славяноведения в 1940-е гг.: основание Института славяноведения РАН в свете архивных документов	319
--	-----

Публикации

<i>Парфиров Д. С. (Москва).</i> «Провинился я по отношению к России или нет». Письмо украинского депутата австрийского парламента М. Петрицкого председателю Государственной думы М. В. Родзянко (1916 г.)	364
--	-----

Обзоры и рецензии

<i>Стыкалин А. С. (Москва).</i> Новая работа по истории церковной политики советского государства	375
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва).</i> От неизвестности к вынужденному узнаванию: германо-белорусские пересечения первой половины XX в. в современной интерпретации	382

Хроника

<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва).</i> Международная научно-практическая конференция «V Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, филолога, археографа»	399
<i>Шалаева Т. В. (Москва).</i> LIII Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой	403
<i>Лобачева Ю. В. (Москва).</i> III Шемякинские чтения: «Мифы, предрассудки и стереотипы в истории и историографии народов Центральной и Юго-Восточной Европы. XVIII–XX вв.»	407
<i>Байдалова Е. В., Шатько Е. В. (Москва).</i> Научная конференция «Технологии искусственного интеллекта в гуманитарных научных исследованиях: опыт и перспективы использования» ..	411

Юбилей

<i>Ананьева Н. Е., Остапчук О. А. (Москва).</i> 90-летний юбилей профессора Януша Ригера	421
--	-----

Некрологи

<i>Сератионова Е. П. (Москва).</i> Памяти чешского коллеги Радомира Влчека	429
--	-----

Contents

History

<i>Prudovsky P. I. (Moscow). The Perception of the Battle of Warsaw of 1656 by Lithuanian Nobles</i>	12
<i>Bachenina V. V. (Yekaterinburg). The Austrian Social Democrats' View of Karl Lueger: Ideological Conflict in <i>fin-de-siècle</i> Vienna</i>	32
<i>Stankov N. N. (Moscow). The "Case" of Patriarch Tikhon and Czechoslovak-Soviet Relations in April-June 1923 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague)</i>	53
<i>Sloistov S. M. (Moscow). Czechoslovakia and the Slovak Calvinist Hungarians: from the Contradictions of the Interwar Period to the Crisis Phenomena of 1945–1948</i>	77

Linguistics and ethnolinguistics

<i>Efimova V. S. (Moscow). To the Study of Rendering Greek Scientific Vocabulary in the Old Church Slavonic Texts: Complex Lexical Units</i>	106
<i>Izotov A. I., Morozov D. A. (Moscow). Superlatives in Contemporary Czech Written Discourse: Corpora Studies</i>	130
<i>Kazakov I. I., Chivarzina A. I. (Moscow). The Current State of Megleno-Romanian Language in the Context of Slavic – Non-Slavic Contacts (North Macedonia)</i>	149
<i>Klimova K. A. (Moscow). The Tradition of <i>Hatir</i> in the Funerary and Commemorative Rites of the Pontic Greeks of Russia: Semantics, Ritual Functions, and Ethnocultural Parallels</i>	168

Studies of literature

<i>Grasko A. V. (Moscow). The Image of a Communist Construction Site in J. Wail's Novel "The Wooden Spoon"</i>	185
--	-----

<i>Lunkova N. A. (Moscow). “Great Martyrs of Unbearable Being”: The Metamorphoses of the Body as a Means of Spatial Representation of the Postmodern Identity (Based on E. Andreev’s “Lom Stories”)</i>	<i>204</i>
<i>Shatko E. V. (Moscow). Depictions of War in Modern Bosnian Literature</i>	<i>223</i>
<i>Usacheva A. V. (Moscow). External vs. Internal: Spatial Opposition in M. Višniec’s “Balkan Trilogy”</i>	<i>233</i>

History of culture

<i>Leskinen M. V. (Moscow). “The Russian Boyan” or “the Roguish Exploiter of Moscow Patriotism”: D. A. Agrenev-Slavyansky and his “Slavic Chapel” in the Assessments of Contemporaries. Part 2</i>	<i>245</i>
<i>Józsa Gy. Z. (Budapest). Late 19th – Early 20th Century Russia in Ferenc Herczeg’s Travelogues</i>	<i>269</i>
<i>Lagno A. R. (Moscow). Laughter and Shame in the Polish Comedy Series “The Chairman’s Ear” (<i>Ucho Prezesa</i>): Who Is Being Mocked and Who Is Laughing?</i>	<i>296</i>

History of science

<i>Marney L. P., Nosov B. V. (Moscow). To the History of Russian Slavic Studies in the 1940s: The Founding of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences in Light of Archival Documents</i>	<i>319</i>
---	------------

Publications

<i>Parfirev D. S. (Moscow). “Am I Guilty or Not Towards Russia”. The Letter of Ukrainian Deputy of Austrian Parliament M. Petryts’kyj to M. V. Rodzyanko, the Chairman of the State Duma (1916)</i>	<i>364</i>
---	------------

Reviews

<i>Stykalin A. S. (Moscow). New Work on the History of the Church Policy of the Soviet State</i>	<i>375</i>
<i>Borisyonok Yu. A. (Moscow). From Unknown to Forced Recognition: German-Belarusian Intersections of the First Half of the 20th Century in Modern Interpretation</i>	<i>382</i>

Chronicles

- Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)*. International Scholarly Conference “V Readings in Memory of Archpriest John Grigorovich: Historian, Archaeographer, Archaeologist” 399
- Shalaeva T. V. (Moscow)*. LIII L. A. Verbitskaya International Academic Philological Conference 403
- Lobacheva Yu. V. (Moscow)*. III Shemyakin Readings: “Myths, Prejudices, and Stereotypes in the History and Historiography of the Peoples of Central and South-Eastern Europe. 18th–20th Centuries” 407
- Baydalova E. V., Shatko E. V. (Moscow)*. Academic Conference “Artificial Intelligence Technologies in Humanities Research: Experience and Prospects for Use” 411

Anniversaries

- Ananyeva N. J., Ostapchuk O. A. (Moscow)*. 90th Birthday of Professor Janusz Rieger 421

Obituaries

- Serapionova E. P. (Moscow)*. In Memory of Our Czech Colleague, Radomír Vlček 429

**Традиция «хатир» в похоронно-поминальной обрядности
понтийских греков России: семантика, ритуальные функции
и этнокультурные параллели**

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Цитирование

Климова К. А. Традиция «хатир» в похоронно-поминальной обрядности понтийских греков России: семантика, ритуальные функции и этнокультурные параллели // *Славянский альманах*. 2025. № 3–4. С. 168–184. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.08

Статья поступила в редакцию 11.08.2025.

Рецензирование завершено 12.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-П/>.

Аннотация

В статье рассматривается комплекс значений слова «хатир» ‘память, уважение, одолжение, соболезнования’ (тур. *hatir*, понтийск. *χατίρ*) и его концептуализация в похоронно-поминальной и свадебной обрядности понтийских греков России. На основе полевых материалов, собранных в греческих общинах Грузии, Северного Кавказа и Краснодарского края, проводится анализ семантической трансформации термина: от бытового значения «уважение, одолжение» к специализированному ритуальному термину в контексте похоронно-поминальной практики. Особое внимание уделяется функционированию «хатира» как сложного элемента ритуальной коммуникации, включающего не только вербальные формулы выражения соболезнований семье умершего, но и комплекс ритуальных действий, предметный код (символические дары, траурные атрибуты)

и строгие поведенческие предписания. Детально рассматриваются три основных ритуальных контекста реализации концепта «хатир»: как акта выражения соболезнований семье умершего, как механизма испрашивания разрешения на проведение свадьбы в период траура и как практики демонстрации уважения к предкам на кладбище. В работе подчеркивается уникальный характер обряда, сформировавшегося в условиях длительного межкультурного взаимодействия греческого, тюркского и кавказского населения. «Хатир» выступает одним из ключевых маркеров этнической идентичности понтийских греков, объединяя эллинофонов-ромеев и тюркофонов-урумов.

Ключевые слова

Понтийские греки, хатир, похоронно-поминальная обрядность, ритуальная лексика, языковые заимствования, этнолингвистика, межкультурное взаимодействие.

Введение

В греческой традиционной культуре проявление уважения к значимым членам сообщества, демонстрация особого внимания к старшим и сохранение памяти о предках занимает важное место в общей системе фундаментальных социальных ценностей, поддерживающих коллективную идентичность. Это выражается не только в особых вербальных формулах, но и в ритуальных действиях: нормах поведения, канонах гостеприимства, обмене дарами и пр. В этот контекст попадает и особый греческий концепт *φιλότης* ‘честь, любовь к чести’, регламентирующий правильное поведение внутри сообщества, побуждающий к ответственности, гостеприимству, проявлению уважения к старшим (подробнее см. Vassiliou & Vassiliou 1973). В рамках понтийской традиции эти явления усиливаются под влиянием восточных и кавказских культурных моделей, для которых концепт «уважение» особенно важен.

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу понятия «хатир» (тур. *hatır*, понтийск. *хатір* ‘память, уважение, одолжение, соболезнования’) и его значения в ритуальной культуре понтийских греков России. Особое внимание уделяется функционированию «хатира» в похоронно-поминальном и свадебном обрядах, а также семантическим трансформациям, происходившим под влиянием межъязыковых и межкультурных контактов с народами Кавказа. Методология работы основана на комплексном подходе,

сочетающем элементы этнолингвистического, сравнительно-исторического и лексико-семантического анализа. Материалы собраны автором в 2022–2025 гг. в ходе полевых этнолингвистических исследований в греческих общинах Сочи, Анапы, Геленджика, Новороссийска, Краснодара и их окрестностей, населенных пунктов Кавказских Минеральных Вод, Карачаево-Черкесской Республики (Спарта, Хасут-Греческий, Черкесск), Северной Осетии (Владикавказ и Беслан), Адыгеи (Майкоп, Белореченск), Кабардино-Балкарии (Нальчик, Прохладный), а также Грузии, Армении и Казахстана. Греческое население исследованных регионов представлено двумя языковыми группами: греками-эллинофонами (самоназвание *Ῥωμαῖοι* ‘ромей’, букв. «римляне»), таким же самоназванием пользовались жители Византийской империи), говорящими на понтийском диалекте греческого языка (эндолингвоним *ρομαίικα* (ромéика) ‘ромейский язык’), и греками-тюркофонами (самоназвание *urumlar* ‘греки’, происходящее от тюркизированного варианта того же корня, что и *Ῥωμαῖοι*), говорящими на северо-восточном диалекте турецкого языка (эндолингвонимы *musulmanca* ‘мусульманский язык’, *osmanca* ‘османский язык’, *bizim dilca* ‘наш язык’). На русском обе языковые группы называют себя греками, а в мировой научной практике применительно к ним используется термин *понтийские греки*, по области *Πόντος* ‘Понт’, месту их изначального проживания на малоазийском побережье Черного моря. Миграция понтийских греков на обследованные нами российские территории осуществлялась в несколько этапов в XIX–XX вв. Наиболее масштабный исход с исторических земель в Малой Азии пришелся на период после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Грекоговорящие ромеи начинают заселение уголков Ставропольского и Краснодарского края России еще в XIX в., в то время как тюркоговорящие урумы изначально концентрируются в Грузии, где формируется компактная этническая зона в Цалкинском районе, а затем, уже в конце XX в., в результате социально-экономических и политических трансформаций значительная часть урумского населения осуществила вторичное переселение в Ставропольский край, преимущественно в регион Кавказских Минеральных Вод.

Экспедиционные записи велись на разных языках: греческом, турецком и русском, при этом в процессе интервью информанты сами переключались с одного языка на другой, как они привыкли делать и в процессе повседневной коммуникации. Слово «хатир» известно как ромеям, так и урумам, оно может интерпретироваться разными способами, в том числе как ритуальное поминовение умерших родственников или друзей,

регламентированное определенными правилами и устойчивыми формулами поведения. Концепт «хатир» не находит прямых соответствий в культурных представлениях славянского окружения, среди которого проживают греки, и является специфическим явлением понтийской культуры. Русское население в исследованных регионах не знает о «хатире», так что можно утверждать, что греки полностью автономны в этом отношении, а само слово и сопутствующий обряд характеризуют лишь внутриобщинные взаимоотношения.

Этимология и семантическая эволюция

Греческая лексема *ḫatīrī* ‘уважение, одолжение’ восходит к турецкому *hatir* ‘память, уважение’, в свою очередь заимствованному из арабского *khāṭir* (حاتم) ‘сознание, память, расположение, настроение’ (Nişanyan Sözlük). Первоначально в турецком языке слово имело общее значение «память, уважение», но в различных региональных и этнокультурных традициях оно претерпело заметную семантическую эволюцию. В «Турецко-русском словаре» для *hatir*¹ фиксируются значения ‘память’, ‘уважение, почтительное отношение, почтение’ (Турецко-русский словарь 1977: 391). По мнению И. Козеры-Славомирской, в современном турецком языке лексема *hatir* ‘память, уважение’ и производный от нее глагол *hatırlamak* ‘помнить’ составляют ядро концепта «память»² (Kozera-Slawomirska 2024: 30).

1 Примечательно, что в турецком языке существует большое словообразовательное гнездо с этим же корнем: *hatıra* ‘память, воспоминание’, *hatıralık* ‘памятный подарок, сувенир’, *hatırat* ‘воспоминания, мемуары’, *hatırlamak* ‘помнить, вспоминать’, *hatırlatma* ‘предупредительный’, *hatırlatmak* ‘заставлять вспомнить, напоминать’, *hatırlı* ‘уважаемый, почетный, влиятельный, авторитетный’, *hatırmade* ‘обиженный, с обидой в душе’, *hatırnevaz*, *hatırşınaz* ‘оказывающий уважение, уважительный, услужливый, любезный, предупредительный, вежливый’, *hatırşınasane* ‘любезно, учтиво, деликатно’, *hatırşınaslık* ‘уважительность, любезность, предупредительность, вежливость, обходительность’ (Турецко-русский словарь 1977: 391).

2 Помимо этих двух лексем, И. Козера-Славомирска приводит множество устойчивых выражений со значением ‘помнить’ (*hatırda tutmak* ‘держат в памяти’, *hatırında olmak* ‘помнить, не забывать’, *hatırından uzak tutmamak* ‘то же’, *hatırından çıkmamak* ‘не забывать’), ‘запомнить’ (*hatırında kalmak* ‘остаться в памяти, держать в памяти, запомниться’), ‘вспомнить’ (*hatırına gelmek* ‘прийти на ум, вспомниться’, *hatırından geçmek* ‘припомнить, вспомнить’, *hatırına getirmek* ‘припоминать, вызывать в памяти, напоминать’), ‘забыть’ (*hatırından geçmemek* ‘не приходить в голову’, *hatırından çıkarmak* ‘забыть, не помнить’, *hatırından çıkmak* ‘вылететь из головы’) и др. (Kozera-Slawomirska 2024: 33–34).

В современном греческом языке лексема *χατίρι*³ имеет значения ‘удовлетворение желания, милость, уважение’ (Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας), а также ‘быть предвзятым’, например, в контексте *πέρασε την τάξη με χατίρι* «он перешел в другой класс по милости (учителя), незаслуженно» (Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής). Поскольку словари не всегда фиксируют все оттенки значений, приведем цитату из интервью с носителем стандартного новогреческого языка⁴:

Η λέξη χατίρι έχει τρεις μάλλον σημασίες. Η πρώτη και η βασική της σημασία είναι αντίστοιχη με την ρωσική λέξη *одолжение*. Παράδειγμα: Κάνε μου σε παρακαλώ ένα χατίρι, πάρε αυτό και δώσ’ το εκεί! Η δεύτερη έχει σημασία *исключительно ради тебя* – για το χατίρι σου μόνο! Δε θα το έκανα αυτό, αλλά για το χατίρι σου μόνο το κάνω. Και η τρίτη είναι... αρνητικό, λέμε «δε θα σου κάνω το χατίρι!», με την έννοια «δε θα περάσει το δικό σου!» «Όχι, δε θα σου κάνω το χατίρι! Не будет так, как хочешь ты!» Υπάρχει και μια άλλη έκφραση, αλλά έχει σχέση με το επίρρημα, λέμε «χατιρικά». «Αυτός πέρασε την τάξη χατιρικά», то есть по блату (ЯДА, м., 1960 г. р., г. Афины, зап. г. Москва).

Слово *χατίρι* имеет, скорее всего, три значения. Первое и основное значение соответствует русскому слову *одолжение*. Пример: «Сделай мне, пожалуйста, одолжение – возьми это и отнеси туда!» Второе значение – «исключительно ради тебя». Например: «Я бы этого не сделал, но только ради тебя делаю». И третье – отрицательное: мы говорим «δε θα σου κάνω το χατίρι!» – в смысле «не будет по-твоему». Например: «Нет, я тебе не сделаю это одолжение! Не будет так, как хочешь ты!» Есть ещё одно выражение, но оно связано с наречием, – мы говорим *χατιρικά*. Например: «Он перешёл в следующий класс *χατιρικά*», то есть по блату.

В понтийском диалекте греческого языка и в урумском варианте турецкого лексема *hatır / χατίр* приобрела дополнительные оттенки значений, выходящие за рамки стандартной семантики. По данным наших полевых исследований у лексемы выделяются следующие значения:

3 Словообразовательное гнездо от этого корня в новогреческом языке сравнительно небольшое: *χατιρικάς* ‘услужливый, сделанный в виде одолжения’, *χατιρικά* ‘щедро, в виде одолжения’ (Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής).

4 Здесь и далее расшифрованные тексты интервью с информантами приводятся на том языке, на котором они были записаны. Все греческие тексты и лексемы дублируются заключенным в квадратные скобки переводом на русский язык, выполненным автором статьи.

1. В повседневной речи *hatur* / *χατίρ* – ‘уважение, одолжение, услуга, каприз’. Употребляется преимущественно в устойчивых коллокациях: *κάνω / εντάγω το χατίρ(ι)* ‘делать одолжение’, *(δεν) χαλ(ν)άω το χατίρ(ι)* ‘(не) отказывать в одолжении’, *για το χατίρ(ι) εσόν / εμόν* ‘ради твоего / моего каприза’ и др. Эти значения подтверждаются данными печатных словарей (Χατζόπουλος, Ιωακειμίδου: 233; Νικολιτίδης: 901) и совпадают с данными новогреческого литературного языка. При этом в словаре Хадзопулоса и Иоакимиду приводятся однокоренные слова *χατιρλής* ‘почтенный, уважаемый’, *χατιρσοπαίζαινα* ‘почтенная, уважаемая’ и дается пример использования лексемы: *Ξάι χατίρ ‘κ’ εχ’ ‘ς σο χωρίον* «Его в деревне совсем не уважают» и поговорка: «Αν ‘κ’ εχ’ ο σκύλον χατίρ’, ο σααλής ατ’ εχ’» «Если у собаки нет уважения, оно есть у ее хозяина» (Χατζόπουλος, Ιωακειμίδου: 233). В «Русско-понтийском словаре» Д. И. Зимова в лемме «уважение» приводится соответствие *χατίρ*’ и мн. *χατίρα* с примерами: меня уважают – *έχω χατίρ*’ / я его уважаю (я исполняю его желания) *εντάγω (χτίζω) το χατίρν ατ’* / удовлетворять желание – *χτίζω χατίρ*’ (Зимов 2022: 359).

По свидетельствам наших информантов, это слово активно используется и по сей день:

У нас вот это вот слово, оно произносится как, вот, желание, вот если я что-нибудь прошу или, там, говорю, давайте пойдём туда, а ты говоришь – нет, я хочу туда идти. У нас: *Κι χαλάνω το χατίρι σ’*. *Πώς λες, αρέτс’ па εν* [Не буду тебе отказывать в одолжении. Вот как говоришь, так и есть]. Мне кажется, оно ещё чуть-чуть как бы в иронической, что ли, форме. И в то же время как бы остаёшься при своём мнении. (Соб.: Как одолжение делаешь.) Да, как одолжение (ВЛЧ, м., 1950 г. р., с. Греческое, зап. г. Краснодар).

Вот мы иногда говорим: «*Κι χαλάνω το χατίρι σ’*». Не... разрушу твои надежды. Ну, не надежды... желания. Или говорим иногда: «*Χατίρ’ τ’εσόν εφτάγω ατό*». Ради тебя сделаю это. Как-то так (ВВС, м., 1967 г. р., г. Эссендуки, зап. г. Краснодар).

2. «Хатир» в контексте понтийского похоронно-поминального обряда. В народной традиции лексема может использоваться в контексте похоронно-поминального обряда, в этом случае «хатир» – либо акт выражения соболезнований родственникам умершего теми, кто не смог присутствовать на похоронах; либо часть общего поминального обряда, в этом случае на «хатир» ходят все родственники

и друзья умершего, вне зависимости от их присутствия на похоронах. Дополнительное значение появляется в контексте свадебного обряда, где «хатир» – либо ритуал испрашивания согласия у соблюдающих траур родственников умершего на организацию свадьбы, либо ритуал демонстрации уважения к умершим предкам жениха и невесты, проводившийся на кладбище.

Сам обряд дословно называется «хатир» или «получение хатира» (понт. *χατιρόπαριαν* / *χατιρέπαριαν* ‘получение уважения, уважение’, или (πάω) со *χατιρόπαριαν* ‘иду на получение хатира’; тюрк. *hatir alma* ‘получение уважения’ или *hatir almaya gidiyom* ‘иду на получение хатира’), а ритуальное действие обозначается через устойчивое выражение с буквальным значением «брать / получать хатир» (понт. *παίρω χατίρ*, тур. *hatir almak*⁵). В с. Цихисджвари (Грузия), где проживает грекоговорящее население, бытует также сложносоставное слово *χατιραβλάξειαν* ‘испрашивание хатира’ (от *χατίρ* ‘уважение’ и *αβλάξω* ‘просить, искать’).

Весь комплекс значений лексемы *hatir* / *χατίρ*, связанных с похоронно-поминальной обрядностью, фиксируется только в одной локальной традиции – в регионах проживания понтийских греков; при этом грекоговорящие греки-ромеи и тюркоговорящие греки-урумы демонстрируют завидное единство, в то время как в остальных местах широкого греческого мира лексема известна только в общем значении «одоление, уважение», не имеющем связи с ритуальными поминальными практиками.

2.1. «Хатир» как выражение соболезнаваний. Практика «хатир» как способа выражения соболезнаваний особенно ярко проявляется в речи и поведении понтийских греков Закавказья и Северного Кавказа. Употребление этой лексемы в ритуальном контексте фиксирует не просто жест сострадания, но и восстановление социальной связи между семьей умершего и остальной общиной, демонстрацию уважения к покойному и членам его семьи:

5 Подобные словообразовательные модели с компонентом в виде глагола со значением ‘брать, получать’ (понт. *παίρω*, тур. *almak*) и существительного в целом характерны для понтийской обрядовой терминологии, при этом в греческом и турецком внутренняя форма этих конструкций полностью совпадает: понт. *παίρω λόγον* / тур. *söz almak* ‘совершать уговор о помолвке’, дословно «брать слово», и пр. Также распространены отглагольные существительные, объединяющие эти два компонента (понт. *λογόπαριαν* / тур. *söz almaya* ‘уговор о помолвке’, дословно «получение слова»; понт. *υψόπαριαν* / тур. *gelin almaya* ‘выкуп невесты (как часть свадебного обряда)’, дословно «получение невесты» и пр. (Подробнее о лексике понтийского свадебного обряда см.: Климова, Никитина, Пелевинова 2024: 16–17).

У нас, у цалкинских греков, что такое хатыр? Точного перевода нет, в переводе с турецкого это означает наличие авторитета, [...] уважение, отдать дань уважения. И [...] именно в контексте поминок, когда человек покидает этот бренный мир наш, мы обязаны прийти и выразить свое уважение и почтение его семье. Именно семье, не ему. Ему мы отдаём дань уважения, когда приходим проводить в последний путь. Но обязательно мы должны прийти к его семье, показать, что мы с ними рядом, мы уважаем именно семью ушедшего. Ну, и у нас в традиции... это уже, наверное, какие-то суеверия... уделяется много внимания каким-то мелочам. Уход близкого из дома – это горечь, а ты должен прийти со сладким, чтобы несколько эту горечь, так сказать, завуалировать. Обязательно мы несём в дом конфеты и сладкое вино. Это непременно. (Соб.: Не водку?) Нет. В принципе у нас, у цалкинских греков, по крайней мере в моей деревне, и не поминали. Это пришло уже с цивилизацией. Это было вино, тогда и покупного вина-то и не было, это было домашнее вино, поминали только вином (МПЛ, ж., 1969 г. р., с. Ахалык (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Некоторые информанты отмечают, что на «хатир» могут приходиться все родственники, соседи и знакомые в течение сорокадневного траурного периода.

Ходят в течение 40 дней, каждый день после похорон, обычно берут с собой бутылку вина или бутылку водки и идут. В первые дни обычно ходят близкие родственники, а потом все знакомые, кумовья... (ВВС, м., 1967 г. р., г. Ессентуки, зап. г. Ессентуки).

После поминок идут *so хатираблḗиан* [на «испрашивание хатира»]. В течение сорока дней идут со своими... как соболезнованиями. [...] В течение сорока дней, как похоронили. (Соб.: А кто ходит на «хатираблḗиан»?) Фактически ходят и соседи, и родственники, и знакомые. Кто пожелает. До сорока дней родные не должны готовить, а кормят их соседи. Приходят с едой. (Соб.: А водку несут?) Вино. (КМХ, ж., 1946 г. р., с. Цихисджвари (Грузия), зап. г. Краснодар).

Согласно другим свидетельствам, на «хатир» приходили только те, кто не смог присутствовать на похоронах и поминках:

(Соб.: Вот ходили только в день после похорон или могли в другие дни тоже приходиться?) Нет, именно в похоронах, в этот день вечером

приходили к ним, посидели там, а в результате там уже чай поставили. (Соб.: Ну а если, например, человека какого-нибудь долго не было в селе, и он вернулся, и вот узнал, что там умер кто-то, он мог прийти потом?) Конечно, конечно, это да. (Соб.: Это тоже, да, хатир? *Πάω σο χατίρ?* [Иду на хатир]). Да, *πάω σο χατίρ*, может быть, да (ВИК, м., 1959 г. р., с. Мерчанское, зап. с. Мерчанское).

Вот здесь, во Владикавказе, было принято, что на следующий день очень многие шли в эту семью, оказать, так сказать, почтение, но моя мама рассказывала – я сама отсюда (Краснодарский край. – К. К.), а во Владикавказе я с этим столкнулась – когда я у мамы спросила, она говорит, почему у вас, говорит, так ходят? У нас, говорит, кто пришёл на похороны – выразили соболезнования. На следующий день идут те, кто был в отъезде, не успел попрощаться (НКД, ж., 1956 г. р., Каратау, Казахстан, зап. г. Краснодар).

А вечером [...] накрывают, приходят «со хатир». Кто-то не слышал, не мог прийти на похороны, не знал, не пришёл, он может до сорока дней спокойно в этот дом прийти и выразить свое соболезнование. [...] Приходили с бутылкой водки почему-то. И сейчас ходят с бутылкой водки (ПАН, ж., 1958 г. р., Владикавказ, зап. г. Владикавказ).

А в целом приходили те люди, кто на поминках не был. Отдельно уже. Кто, например, не смог посетить. Если я не смог, не попал на похороны, приехал в эту деревню, конечно, это тоже хатиropарман. Если я человека не уважал, я бы не пришёл. Это все хатиropарман (ИКЛ, ж., 1958 г. р., с. Ирага (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Лексема *χατίρoпарман* со значением ‘посещение с целью выразить соболезнования’ зафиксирована также в словаре Хадзопулоса-Иоакимиду (*Χατζόπουλος, Ιωακείμιδου*: 233), а в «Русско-понтийском словаре» Д. И. Зимова в лемме «соболезновать» приводится только один вариант перевода – *παίρω το χατίρ* ‘брать хатир’ (Зимов 2022: 323).

У греков-тюркофонов для выражения соболезнований используется еще одна синонимичная конструкция, характерная и для литературного турецкого языка, – *baş sağlığı* ‘соболезнования’:

(Соб.: А про хатыр как говорят?) *Hatır almaya*. (Соб.: Hatır almak?) Да... Да... Ещё по-другому этот обычай называется, ну, так

как мы туркоговорящие, ещё называлось *baş sağlığı*. Ну, как вот «здравие головы». Такое вот, «о здравии головы». Потому что головы уже нет, кто-то другой назначается головой. (Соб.: То есть это говорят «о здравии головы», если умер глава семьи? А если умер не глава семьи, так не говорят?) Тоже так говорят, но в каждом случае индивидуально рассматривается, [...] *baş sağlığı, sağlığı* – это «здравие». Я думаю, что в данном случае мы рассматриваем как главу семьи, а если в контексте просто обычая, *baş*, наверное, рассматривается просто как живая «единица человека», «голова живая» (МПЛ, ж., 1969 г. р., с. Ахалык (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

2.2. «Хатир» как часть свадебного обряда. Интересный пласт значений *хатир* раскрывается в свадебной обрядности понтийцев, когда в общине одновременно или почти одновременно происходили радостные и траурные события⁶. Перед свадьбой необходимо было получить разрешение на нее в те дни, когда кто-то в селе соблюдал траур. Для этого старшие родственники со стороны жениха и невесты отправлялись в гости к тому, у кого в семье держали траур, приносили с собой бутылку вина или водки и просили одобрения на проведение свадьбы. Данный обряд исполнялся в качестве жеста сострадания и уважения к чужому несчастью, поэтому отказ от его соблюдения мог считаться оскорблением.

Если у кого-то случилось горе такое, не дай бог, а у кого-то намечалась свадьба [...]. Приходили в эту семью, ну, как бы просили их простить, что у них вот такое радостное событие, и, если они разрешали, делали свадьбу. (Соб.: И это тоже хатир?) Да, это тоже хатир. [...] Да-да, и это тоже у нас было. Мы шли на поклон. Ну, не мы, а семья. [...] Ну, мы не просили, а говорили, что вот, у нас в семье вот такое событие, а те говорили, что делайте. Хатир – это и авторитет, и почтение, и уважение, какого-то дословного перевода нет, какой-то собирательный (МПЛ, ж., 1969 г. р., с. Ахалык (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

6 В таких случаях использовалась характерная понтийская поговорка «Ο Χάρων καὶ ἡ χαρά ἀντάμα λάνε» [Харон (смерть) и радость (свадьба) идут вместе], где Харон – восходящий к античному Харону персонаж современной греческой народной демонологии, персонификация смерти, а лексема *χαρά* имеет два значения: 'радость' и 'свадьба'.

Допустим, в деревне все родственники собрались играть свадьбу. А у кого-то там человек умер недавно. Недавно даже. Там даже в нашей деревне были все родственники. Вот, бывало, что даже умер кто-то последний, кто умер, надо к ним пойти на *va láme so xatirópárcan* [идем на «получение хатира»]. [...] Уважение к ним. Мы играем свадьбу, а у них были похороны. [...] Я пришёл. У кого-то, допустим, умер. А мы идём с уважением просить прощения. Мы пришли. Уважили вас. Мы собираемся играть свадьбу. Соответственно, они скажут... Это уже они с уважением... Мы с уважением... Идем к ним с уважением... (ИКЛ, ж., 1958 г. р., с. Ирага (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Жених и невеста или их родственники также могли посетить кладбище перед свадьбой, если у кого-то из них прошел год после смерти близкого, либо жених посещал кладбище с музыкантами и кумом перед тем, как идти забирать невесту. В этом случае подходили к могиле умерших родственников, чтобы «навесить» покойников и ритуальным образом попросить у них прощения за то, что они готовятся к радостному событию.

И обязательно идут молодые. Перед свадьбой идут на кладбище. Это тоже «хатиравляеман». Это разрешение на свадьбу. То есть как они идут на кладбище? [...] На кладбище вот то, что мы говорили, перед свадьбой идут. «Хатиравляеман». Это идут жених и невеста на кладбище. Не обязательно жених и невеста. (Соб.: А кто?) Родственники. Кому поручат родители, идут туда. [...] Идут к могиле родных и говорят *va sxwráte mäs, éxwme xaráv* [простите нас, у нас свадьба] (КМХ, ж., 1946 г. р., с. Цихисджвари (Грузия), зап. г. Краснодар).

Ритуальная коммуникация в контексте похоронно-поминального обряда «хатир»

В традиционной культуре понтийских греков *хатир* функционирует как инструмент ритуальной коммуникации, то есть как вербальный и поведенческий акт, направленный на восстановление или сохранение социальных связей в контексте жизненных переходов – смерти, траура, брака и т. д. Ритуальная коммуникация в контексте похоронно-поминального обряда «хатир» выполняет интегративную, трансформационную и психотерапевтическую функции.

«Хатиropарман»... вот, например, умер человек. Умер человек, и после смерти родственниками мы собрались в фамилию⁷ на «хатиropарман». Идём как бы уважение к этой семье... оказать. Да, оказать в семье «хатиropарман». (Соб.: Как делали «хатиropарман»?) Именно что делали? Как шли? С чем шли? Что-то с собой несли? Водку? Вино? Сладкое?) Вино может быть, пирог, это что-то пекли, там что-то такое. Но водку, по-моему, нельзя было. [...] Водку не ставили, только вино можно было. Может быть, хозяева и могли ставить, но с водкой, по-моему, не ходили. (Соб.: Вот когда приходили, что говорили? Заходили, что-то говорили же?) Нет, по-моему, ничего не говорили, просто садились и начинали, этот «хатиropарман» делали в плане того, что отвлечь человека от тяжелых мыслей [...] Когда уже садятся и тосты какие-то идут. (Соб.: Ну вот какие-то фразы устойчивые, помните, что могли говорить?) То есть *να συχωρά ατόν, να συχωρά ατόν, να συχωρά τον αποθαμμένον* [(бог) простит его, простит умершего], а больше такие, что *τα χώματά να 'ναι λαφρά* [пусть земля будет ему легкой]. [...] *Ναι, ναι, τα χώματά να 'ναι λαφρά, να ευρεί κακός καλόν τόπον* [Да-да, пусть земля будет ему легкой, пусть найдет там хорошее место], вот такое, *να συχωρά* [пусть простит]. [...] *Να ρούζ' εκές σ' σον καλόν τόπον* [Пусть упадет он там в хорошее место] (ИКЛ, ж., 1958 г. р., с. Ирага (Цалкинский район, Грузия), зап. г. Краснодар).

Этнолингвистический анализ позволил выделить следующие ключевые аспекты практики ритуальной коммуникации в обряде «хатир»:

1) элементы вербального кода: формулы выражения соболезнования (*Αἰωνία η μνήμη!* (Вечная память!), *Τα χώματά να 'ναι λαφρά!* (Земля ему пусть будет легкой!), *Καλόν Παράδεισον!* (Хорошего рая! (ср. Царствие небесное!)), *Να έχετε υποπομονήν!* (Пусть будет у вас терпение!), *Ο Θεός να δέи σας υποπομονήν!* (Пусть Бог даст вам терпение!)); замена имени умершего на конструкции типа *αποθαμένος* 'умерший' / *αποθαμέντζα* 'умершая', *σχωρεμένος* 'умерший, покойный' / *σχωρεμέντζα* 'умершая, покойная', *μακαρίτης* 'покойник' / *μακαρίτισσα* 'покойница';

2) элементы предметного кода: сладости и напитки (водка, вино), отрез черной ткани для пошива траурного платья, деньги (знак поддержки и солидарности), которые зачастую преподносят ритуальным способом – на подносе; полевые материалы показывают,

⁷ Словом «фамилия» в среде понтийских греков обозначается семья в широком смысле слова.

что *хатир* – это еще и сообщение в форме утешительного дара: принести алкоголь, сладости, хлеб, деньги означает вступить в ритуальный диалог, выразить соболезнования, эмпатию;

3) акциональный код обряда: посещение дома родственников / посещение кладбища молодоженами, ритуальное дарение (напитки ставят на стол, деньги передают в конверте), ритуальное испрашивание разрешения на свадьбу или крестины у соблюдающих траур родственников или соседей.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что понятие «*хатир*» в культуре понтийских греков Закавказья и Северного Кавказа представляет собой уникальный пример лексико-ритуальной трансформации, возникающей в условиях длительного межкультурного взаимодействия. Слово, имеющее тюркское происхождение и бытовое значение «память», «расположение», «уважение», в понтийском контексте приобретает дополнительную ритуально-коммуникативную функцию, становясь важным элементом погребальной и свадебной обрядности.

Лексемой *χατίρ* / *hatır* в системе похоронно-поминальной и свадебной обрядности понтийских греков обозначается большой комплекс специфических понятий. При этом внутри понтийской культурной общности лексема обрела уникальные значения, нехарактерные для остальных греческих диалектных зон.

Во-первых, в повседневной речи *χατίρ* / *hatır* означает ‘уважение, одолжение, услуга, каприз’ и употребляется преимущественно в устойчивых коллокациях: *κάνω / εφτάγω το χατίρ(ι)* ‘делать одолжение’, *(δεν) χαλ(ν)άω το χατίρ(ι)* ‘(не) отказать в одолжении’, *για το χατίρ(ι) εσόν / εμόν* ‘ради тебя / меня’. Эти значения, зафиксированные нами в ходе полевых обследований понтийских греков, совпадают с новогреческим литературным языком.

Во-вторых, в ритуальной культуре *χατίρ* / *hatır* может использоваться в разных контекстах: 1) в контексте собственно похоронно-поминального обряда «хатир» фиксируется как особая форма ритуального уважения, направленная прежде всего не на умершего, а на его семью и род, таким образом, «хатир» – это выражение соболезнований родственникам умершего либо со стороны тех, кто не смог присутствовать на похоронах, либо как часть общего поминального обряда (в тех случаях, когда на «хатир» ходят все родственники и друзья умершего вне зависимости от того, были ли они на похоронах); 2) в контексте

свадебного обряда – как ритуал испрашивания согласия или одобрения у соблюдающих траур родственников умершего на организацию праздничного мероприятия, то есть свадьбы, либо как ритуал оказания чести, демонстрации уважения к умершим предкам жениха и невесты, проводившийся на кладбище.

Ритуализованное использование лексемы *hatır / xatır* всегда сопряжено с похоронно-поминальным обрядом. Весь комплекс значений, связанных с похоронно-поминальной обрядностью, фиксируется только в одной локальной традиции – в регионах проживания понтийских греков, при этом грекоговорящие греки-ромеи и тюркоговорящие греки-урумы демонстрируют завидное единство. Для обеих групп ритуал «хатир» выступает важнейшей формой воспроизводства культурных ценностей, объединяющей коллективные представления о смерти, памяти и социальной солидарности.

Представления о «хатире» отражают устойчивые модели социального поведения в среде понтийских греков, он является важным маркером этнической идентичности. Ритуал выполняется по сей день в местах компактного проживания греков на территории России, хотя многие информанты отмечают, что в настоящее время он выполняется уже не так регулярно, как раньше, поскольку члены общины переезжают из сельской местности в большие города, что затрудняет повседневную коммуникацию. К сожалению, подробное описание обряда «хатир» сейчас могут дать только представители старшего и – гораздо реже – среднего поколения, в то время как молодежь, даже если и говорит на родном языке, знает только самое первое значение слова ‘уважение, одолжение’ и может вспомнить контексты из популярных песен, но не ассоциирует лексику с похоронно-поминальной обрядностью. Дальнейшее изучение этого элемента обрядовой культуры позволит глубже понять процессы этнокультурных трансформаций понтийской общины в современном мире, выявить внутренние механизмы адаптации традиционной обрядности к современным социальным условиям и проследить, каким образом происходит языковая и культурная репрезентация концептов уважения, памяти и солидарности.

Источники и литература

Баскаков А. Н., Голубева Н. П., Кямилева А. А., Любимов К. М., Салимзянова Ф. А., Юсипова Р. Р. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 968 с.

Зимов Д. И. Русско-понтийский словарь. Пятигорск: ИП Кобызов, 2022. 400 с.

Κλιμοβα Κ. Α., Νικιτινα Ι. Ο. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4

Κλιμοβα Κ. Α., Νικιτινα Ι. Ο., Πελεвиνοβα Μ. Β. Особенности семейной обрядности греков России: родины, свадьба, похороны (по материалам этнолингвистических экспедиций 2022–2024 гг.) // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2024. № 18. С. 9–31. DOI: 10.52607/26587157_2024_18_9

Kozera-Slawomirska I. Концепт ПАМЯТЬ в русско-турецком сравнительном аспекте // Językoznawstwo. 2024. № 2 (21). С. 27–38. DOI: 10.25312/j.8646

Nişanyan Sözlük. URL: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/hat%C4%B1rl> (дата обращения: 09.08.2025).

Vassiliou V. G., Vassiliou G. The Implicative Meaning of the Greek Concept of Philotimo // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1973. Vol. 4. № 3. P. 369–378. DOI: 10.1177/002202217300400305

Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής / Τδρυμα Μ. Τριανταφυλλίδη, Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?dq=&lq=%CF%87%CE%B1%CF%84%CE%AF%CF%81%CE%B9 (дата обращения: 09.08.2025).

Νικολοπολίτης Δ. Λεξικό της Ποντιακής Διαλέκτου. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2011. 951 σ.

Χατζόπουλος Γ. Κ., Ιωακειμίδου Π. Ζ. Χρηστικό λεξικό. Δάνειες λέξεις στην ποντιακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2022. 272 σ.

Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας / Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας. URL: https://dictionaries.greeklanguage.gr/index.php?chronoform=ShowLima&limaID=18099&option=com_chronoforms5 (дата обращения: 09.08.2025).

References

Baskakov, A. N., et al. *Turetsko-russkii slovar'*. Moscow: Russkii iazyk, 1977, 967 p.

Chatzopoulos, G. K., Ioakeimidou, P. Z. *Christiko lexiko. Daneies lexeis sti pontiaki dialekto*. Thessaloniki: Malliaris Paideia, 2022, 272 p.

Christiko Lexiko tis Neoellinikis Glossas. Kentro Ellinikis Glossas. URL: https://dictionaries.greeklanguage.gr/index.php?chronoform=ShowLima&limaID=18099&option=com_chronoforms5 (accessed: 09.08.2025).

Klimova, K. A., Nikitina, I. O. “Traditsionnaia kul'tura romeev i urumov (po materialam etnolingvisticheskoi ekspeditsii k grekam Kavkazskikh Mineral'nykh Vod).” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 3–4, pp. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4

Klimova, K. A., Nikitina, I. O., Pelevinova, M. V. “Osobennosti semeinoi obriadnosti grekov Rossii: rodiny, svad'ba, pokhorony (po materialam etnolingvisticheskikh ekspeditsii 2022–2024 gg.).” *Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii*, 2024, No 18, pp. 9–31. DOI: 10.52607/26587157_2024_18_9

Kozera-Sławomirska, I. “Kontsept PAMIAT' v russko-turetskom sravnitel'nom aspekte.” *Językoznawstwo*, 2024, vol. 2, No 21, pp. 27–38. DOI: 10.25312/j.8646

Lexiko tis Koinis Neoellinikis. Idryma M. Triantafyllidi, Kentro Ellēnikēs Glōssas. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?dq=&fq=%CF%87%CE%B1%CF%84%CE%AF%CF%81%CE%B9 (accessed: 09.08.2025).

Nikopolitis, D. *Lexiko tis Pontiakis Dialektou*. Thessaloniki: Ekdotikos Oikos Adelfon Kyriakidi, 2011, 951 p.

Nişanyan Sözlük. URL: Nisanyansozluk.com. <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/hat%C4%B1rl> (accessed: 09.08.2025).

Vassiliou, V. G., Vassiliou, G. “The Implicative Meaning of the Greek Concept of Philotimo.” *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1973, vol. 4, No 3, pp. 369–378. DOI: 10.1177/002202217300400305

Zimov, D. I. *Russko-pontiiskii slovar'*. Piatigorsk: IP Kobyzhev, 2022, 400 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.08

K. A. Klimova

**The Tradition of *Hatir* in the Funerary and Commemorative Rites
of the Pontic Greeks of Russia:
Semantics, Ritual Functions, and Ethnocultural Parallels**

Ksenia A. Klimova

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Citation

Klimova K. A. The Tradition of *Hatir* in the Funerary and Commemorative Rites of the Pontic Greeks of Russia: Semantics, Ritual Functions, and Ethnocultural Parallels // *Slavic Almanac*. 2025. No 3–4. P. 168–184 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.08

Received: 11.08.2025.

Revised: 12.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00484-II, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-P/>.

Abstract

The article examines the complex semantics of the word “khatir” (‘memory’, ‘respect’, ‘favor’, ‘condolences’; Turk. *hatır*, Pontic *χατίρ*) and its conceptualization within the funeral, memorial, and wedding rites of the Pontic Greeks in Russia. Based on field materials collected in Greek communities across Georgia, the North Caucasus, and Krasnodar Krai, the study analyzes the semantic transformation of the term from its original everyday meanings of “respect” and “favor” into a specialized ritual term within the context of funeral and memorial practices. Particular attention is paid to the functioning of “khatir” as a complex element of ritual communication, encompassing not only verbal formulas for expressing condolences to the bereaved family but also a set of ritual actions, a material code (symbolic gifts, mourning attributes), and strict behavioral prescriptions. The paper details three primary ritual contexts for the realization of the “khatir” concept: an act of expressing condolences to the family of the deceased, a mechanism for seeking permission to hold a wedding during a period of mourning, and a practice of demonstrating respect for ancestors at the cemetery. The study emphasizes the unique nature of this rite, which developed under conditions of prolonged intercultural interaction among Greek, Turkic, and Caucasian populations. “Khatir” is presented as a key marker of the ethnic identity of the Pontic Greeks, serving as a unifying factor for both Hellenophone-Romaioi and Turkophone-Urum communities.

Keywords

Pontic Greeks, hatir, funerary and commemorative rites, ritual vocabulary, language borrowings, ethnolinguistics, intercultural interaction.